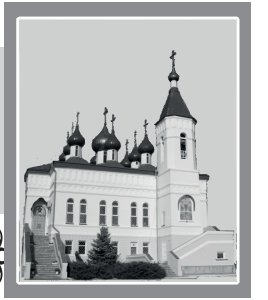
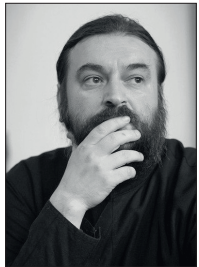

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Живого, пришедший в мир грешников спасти. Тут же после этого мы причисляем себя к этим самым грешникам и, даже более того, называем себя первым из них. Таким образом, исповедание Христа неразрывно соединяется с исповедованием себя грешником. Человек, убеждённый в своей праведности (отметим: всегда мнимой), не нуждается во Христе, пришедшем взискать и найти погибшего от грехов человека.

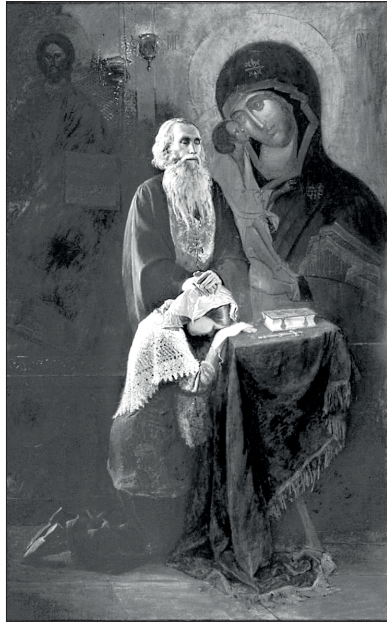
Если исповедовать – значит открывать, то исповедовать-ся – значит открывать что-то о себе. Это «что-то» есть наши личные грехи, совершенные вольно и невольно, днём и ночью, в уме и в помышлении. Если в покаянии участвуют двое – приносящий покаяние и принимающий его, т. е. человек и Бог, – то в исповеди принимают участие трое: человек, Бог и слуга Божий. Это наличие третьего является серьезным препятствием для одних и соблазном для других. Многим казалось, что достаточно личной молитвы, прямо и без посредников обращённой к Богу, достаточно личного осознания греха и сожаления о нём.

Мы согласны с тем, что покаяние не ограничивается одной лишь исповедью. Как целожизненный подвиг, покаяние включает в себя и милостыню, и примирение с обидчиками, и воздержание, и борьбу со страстями. Вся жизнь христианина охватывается именем покаяния, ибо имя это переводится как «перемена», и для вечной жизни в Боге нам нужно измениться. Но есть, несомненно, в покаянии место и для исповеди, как есть место для посеще-

ния врача в трудном деле лечения.

Нас не смущает в Евангелии то, что великий Предтеча назван «другом Жениха». Он стоял на водоразделе между Ветхим и Новым Заветом. Ему была понятна вся трагедия ветхого мира, и он видел впереди радостное исполнение пророчества об Искупителе. Он протягивал руку ко Христу, одновременно и указывая на Него, и стремясь до Него дотянуться. А другой рукой он вёл за собой дрожащую робкую Невесту – Церковь. Он вёл её к Жениху и помогал им встретиться. Когда встреча состоялась, дело Предтечи закончилось. Христу подобало расти, а Иоанну – умалеться. Во всём этом много и любви, и величия, и нежности.

На образ Предтечи нужно посмотреть внимательно всякому пастырю, принимающему человеческие исповеди. Пастырь знает людскую жизнь не из книг, но по опыту. Он, так же как и исповедующиеся, человек – «плоть носящий и в мире живущий». Разрушительное и обжигающее действие греха знакомо ему так же, как и любому христианину. Он принимает исповеди не как святой у грешников, а как состраждущий и соболезнующий братьям. Его задача – не мешать Христу прийти к грешнику и помочь грешнику открыть душу перед Христом. На исповеди священник именно третий, а не второй и не первый. Неважно, что священник видно, а Христа – нет. Христос – Первый и Главный. Его голос: придите ко Мне – звучит в душах многих и ведёт их на покаяние, где их встречает друг Христов, облечённый благодатной властью вязать и решить. В молитве перед исповедью священник напоминает людям, что здесь незримо стоит Христос, принимающий их исповедание. Напоминает не стыдиться и не бояться, не утаивать своих

Б. Клементьев – «Исповедь», 1997 г.

грехов, чтобы не уйти из лечебницы неисцелённым. И как на знаки Христова присутствия указывает на крест и Евангелие, лежащие на аналое. Склонившись перед ними на колени, как купленный раб или как человек, придавленный тяжестью, исповедник совершает над собою суд. Серафим Саровский говорил: «Суди себя сам, и Господь не осудит». По мере того как человек, бичуемый совестью, преодолевая стыд и страх, открывает свои душевные раны взгляду духовного врача, душа начинает таинственно исцеляться.

По количеству врачей на душу населения наша страна является одним из рекордсменов в мире. Однако случись серьезно заболеть, найти хорошего специалиста – труд немалый и хлопотный. Такова же ситуация и с пастырством. Понятен страх и стыд любого человека, не желающего выворачивать наизнанку душу перед первым попавшимся священником. Человек хочет быть уверен в том, что будет понят правильно, что его не унижат больше, чем он уже унижен совершенными грехами, что он встретит сострадание или хотя бы сочувствие. Серьёзность и тонкость этого вопроса ложится тяжёлой ответственностью на плечи священника, а невнимательность к этому вопросу заставляет людей откладывать исповедь на многие годы или ехать за тридевять земель к «пастырю доброму».

Рекомендации по поводу того, о чём говорить на и что читать до исповеди, исчисляются сотнями. Мы скажем лишь то, что представляется главным. Бесплезно говорить о мелочах, утаивая большое. Маленькие грехи имеют свойство возвращаться обратно, если корни греха не вырываются. Исповедоваться нужно только о своём. Жена, дети, соседи, начальники на испо-

веди не вспоминаются. Не вспоминаются также грехи, совершенные кем-то когда-то, даже если они последствиями своими отягощают жизнь целых народов. В грехе царевубийства или в грехе Адама каяться не стоит, стоит разобраться со своей запутанной и испорченной жизнью.

Когда глубоководный батискаф медленно опускается в чёрную бездну океана, покрытые холодным потом страха люди смотрят на приборы или в иллюминаторы. Время от времени, выхваченные лучом прожектора, им попадаются на глаза такие подводные страшилища, которых ни на одной картине Босха не увидишь. Я говорю это потому, что осознать грехи и осветить покаянием глубину сердца – почти то же, что спуститься на дно океана. Кстати, количество людей, побывавших в космосе, в десятки раз превышает количество людей, опускавшихся на океанское дно. Думаю, что число нисходящих в бездну своего сердца точно так же мало. Большинство наших духовных потуг, связанных с исповедью, похожи на стирание пыли влажной тряпкой, хотя сердце человеческое – это не полированный стол, а море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими (Пс. 103, 25).

Кто-то измучился каяться в одном и том же и стыдится исповеди, поскольку не исправляется. Кто-то годами не исповедовался, потому что охладел к вере, или осуетился, или обиделся на священника. А кто-то мечтает о первой исповеди, как мечтал Остап о Рио-де-Жанейро. Мечтает долго и бесполезно, без надежды на осуществление, потому что боится сделать последний шаг и склониться перед аналоем. Есть еще много разных состояний относительно исповеди. И лучшее из них – это такое, при котором человек не привыкает к святости и не утрачивает благоговения, но всем естеством ощущает пользу этого Таинства. Ведь можно всю жизнь питать душу этим контрастом между тоскою раба, стоящего на коленях (в начале исповеди), – и вольным полетом орла, широко раскинувшего крылья (конечно, после).

Протоиерей Андрей Ткачёв

Вопросы

священнику

Я менял много работ, старался, но постоянно происходят ошибки или такое компрометирующее меня стечение обстоятельств, что я вынужден уйти. Может быть, дело в том, что я не оставляю любимые грехи? В результате трудно стяжать Иисусову молитву, читать Св. отцов, т. к. все время осваиваю новое. Но, может, так надо?

Попробуйте более решительно бороться с привычными грехами и, может быть, дела исправятся. Если за работой трудно читать молитву, то творите ее в перерывах между работой или перейдите на двухсловную молитву: «Господи, помилуй». Чем проще читать молитву – тем лучше.

У меня день рождения – 2 ноября. До 2000 года небесным покровителем был св. Сергей Малопинешский, а затем новомученик св. Сергей (Смирнов). Кому мне сейчас правильно молиться?

Вашим небесным ангелом остается св. Сергей Малопинешский. Канонизация нового святого, память которого ближе к дню вашего рождения, положения не меняет.

Хотела в церкви заказать панихиду блаженной Матроне, а мне сказали, что святым можно заказывать только молебны. Но ведь они все равно умершие люди? Пра-

вильно это или нет?

За почитаемых, но не канонизированных подвижников, служат панихиды; а после причтения их к лику святых к ним обращаются через молебны. В панихиде мы молимся за спасение усопшего, а в молебне мы обращаемся к нему с просьбой о помощи. Святым не служат панихиды, так как они уже в царстве небесном.

Как относиться к творчеству А. Тарковского (например, «Солярис»), имеет ли его творчество отношение к течению штайнеризма?

Кинофильмы я не смотрю, но сама по себе фантастика – это область духовной лжи, которая вводит человека в несуществующий мир.

Что делать, как молиться о 81-летнем Романе, моем отце? Он у меня очень добрый, отзывчивый. Но свою невоцерковленность оправдывает безбожным строем жизни советского времени, свое нехождение в храм – тем, что его так не воспитали родители, а исповедь отвергает из-за недоверия, боязни и т. п. Регулярно на проскомидию подаю о здравии его записочки, на молебны.

Попробуйте читать о воцерковлении отца следующее правило: сто Иисусовых молитв с прибавлением в конце «помилуй мя грешную и болящего, заблудшего Романа»; а если сможете, то прочитайте одну кафизму в день. Пока ваш отец не воцерковлен, лучше его помянуть на молебнах, а не на проскомидии.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Мысли на воскресное Евангельское чтение

Свт. Феофан Затворник: «Исцелены десять прокаженных, а благодарить Господа пришел только один. Не такова ли пропорция благодарных, в общей сложности, людей, благодетельствуемых Господом? Кто не получал благ или, вернее, что есть в нас и что бывает с нами, что не было бы благим для нас? А между тем все ли благодарны Богу и за все ли благодарят? Есть даже такие, которые позволяют себе спрашивать: «Зачем Бог дал бытие? Лучше бы нам не быть». Бог дал тебе бытие для того, чтоб ты вечно блаженствовал; Он дал тебе бытие даром, даром снабдил тебя и всеми способами к достижению вечного блаженства; за тобою дело: стоит только немножко потрудиться ради того. Говоришь: «Да у меня все горести, бедность, болезни, напасти». Что же, и это в числе способов к стяжанию вечного блаженства: потерпи. Всю жизнь твою и мгновением нельзя назвать в сравнении с вечностью. Даже если бы и всю жизнь подряд пришлось пострадать, и то ничто против вечности, а ты еще имеешь минуты утешения. Не смотри на настоящее, а на то, что готовится тебе в будущем, и поспеешь сделать себя достойным того, и тогда горестей не заметишь. Все они будут поглощаться несомненным упованием вечных утешений, и благодарность не будет умолкать в устах твоих...» (Лк. 17, 12-19.)

18.12.2018. Митрополиты, запрещенные синодом УПЦ, получили поддержку от Константинополя. Митрополиты Симеон (Шостацкий) и Александр (Драбинко), которых синод УПЦ 17 декабря запретил в служении за участие в объединительном соборе Православной Церкви Украины, не считают себя клириками УПЦ на основе решений Константинопольского Патриархата о переподчинении Киевской Митрополии, а потому не принимают решений ее Синода.

20.12.2018. Верховная Рада приняла законопроект, который обязывает УПЦ изменить свое название.

20.12.2018. Патриарх Кирилл призвал поместные Церкви не признавать новую церковную структуру

на Украине. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к предстоятелям Поместных Православных Церквей с призывом не признавать результаты т. н. объединительного собора в Киеве, на котором было принято решение о создании новой церковной структуры на Украине, сообщает сайт Отдела внешних церковных связей РПЦ.

21.12.2018. В УПЦ просят Порошенко отклонить принятый Радой закон о переименовании Церкви. В Украинской Православной Церкви обратились к президенту Украины Петру Порошенко с просьбой применить право вето к закону, обязывающему УПЦ в своем названии указать принадлежность к Русской Православной Церкви, сообщает «Интерфакс-Религия».

«Вила молитвы» и другие рассказы Межавторский сборник

Продолжение. Начало в № 6 (451)

С неделю мы блаженствовали в палате втроем. Ночью проснусь, а отец Иоанн все раскладывает на кровати свои чудесные снимки – новую тему выстраивает. На душе станет тепло-тепло. Иногда не выдержу, встану; и он обрадованно рассказывает, что составляет тему о мученике Жене Родионове, отдавшем жизнь за Христа на Северном Кавказе. Восемнадцатилетний юноша отказался снимать с себя крест, и ему отрубили голову. Мой друг строго смотрит на меня: «Я считаю его своим сыном». Ласково дотронувшись до его плеча, ложусь и, едва коснувшись подушки, засыпаю. Среди ночи проснусь, а маленькая милая фигурка все перекладывает фотографии на кровати... Глядя на нас, Мариша моя даже позавидовала: «Хорошо у вас – так бы и осталась...» Но, конечно, было не только хорошо, было и больно. Однажды, потеряв сознание, я упал на пол. Отец Иоанн чудом Божиим втащил меня на кровать и молился, пока я не пришел в себя. Очень я боялся одной страшно болезненной процедуры и решил отказаться от нее, но мой собрат по блаженству даже возмутился: «Ты что? Ты – православный. Читай непрестанно генеральную, и все будет слава Богу». Генеральной он называет молитву перед началом всякого дела, которую я выучил прежде всех молитв – очень хотел, чтобы Бог помогал мне в моем творчестве. Но я не знал, что она такая всесторонняя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Твоего Отца, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благости: помози ми грешному сие дело, мною начинаемо, о Тебе Самем совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Во время всей процедуры я непрестанно творил ее и вытерпел. Врач даже удивился: «Какой вы крепкий – некоторые стонут, даже плачут, просят прекратить; ну уж кряхтят-то почти все без исключения». А я ему: «Доктор, это не я крепкий, это молитва такая сильная...»

Однажды привезли к нам на каталке четвертого. У него гемоглобина – всего пятьдесят единиц. В любую минуту может самое страшное случиться. Но он, видимо, не понимая этого, а скорее, как все старики, привыкнув к своей болезни, как ни в чем не бывало читал популярного писателя Захара Прилепина. Когда же мы с отцом Иоанном начали молиться, поглядел на нас не то что с досадой, но с недоумением. Однако промолчал, не сказал, мол, вы мне мешаете. Ночью я проснулся оттого, что он страшно стонет, ухлебывается дыханием. Я нажал кнопку срочного вызова, разбудил отца Иоанна, и принялись мы молиться возле умирающего. Отец Иоанн приложил к его губам свой мощевик, внушил: «Прости Господа, проси: Господи, помилуй». Страждущий попросил один раз. Наверное, впервые в жизни. Наконец Родион (так звали нашего соседа) успокоился, притих. Когда прибежал из другого корпуса дежурный врач, кризис прошел.

Утром Родион рассказал, что ничего ночного не помнит, зато на всю жизнь врезалось, что на него катился огненный шар и ему было так больно, уже так его жгло, что дышать было невозможно. Но вдруг на пути шара встали две фигуры и он откатился и исчез: «Утром я увидал, как вы молитесь, и узнал вас. Две фигуры – это были вы». И потом он поведал дочери и внукам, что мы – его спасители, и, спрятав в тумбочку Захара Прилепина, попросил у нас Евангелие и взялся читать мою книгу «Иринарховский крестный ход». При нашей молитве он теперь сразу снимал очки, укладывал повыше подушку и слушал. В общем, тоже стал нашим собратом по блаженству. Думаю, если бы он накануне сказал, что мы ему мешаем читать, то огненный шар, может быть, сжег бы его – Господь прорек: за каждое слово придется ответ держать...

А вот пятый сосед, парализованный Женька, не вытерпел. Уже на второй день своего пребывания в палате попросил нас молиться в другом месте, и пришлось нам мерзнуть возле лифта. Днем ворчал, что мы своими разговорами мешаем ему спать; вечером сердился, что долго не гасим свет, и отец Иоанн перестал ночью раскладывать свои фототемы.

Жена Женьки, замечательная терпеливая русская женщина (поухаживай-ка много лет за таким вредным больным), каждый день подолгу бывала у мужа. Когда же я уходил из больницы она, столкнувшись со мной в дверях, неожиданно заплакала: «... Как жаль, что вы выписались, – вы так на Женю хорошо влияли. Вы, наверное, думаете, какой он капризный. Вы себе представить не можете, каким он до вас был». С такой болью она на меня поглядела. Я понял: ей так хотелось, чтобы Женька стал нашим собратом по блаженству, а он, к ее великому горю, не стал...

Но и собрат по блаженству Родион, поднявшись на ноги после переливания крови, начал с нами спорить. Он очень начитанный. Потому, поверив в Бога, в чудеса все же сомневается. Почему-то мы не стали напоминать ему о чуде, которое его спасло... Однако на прощанье Родион крепко обнял меня, на глазах выступили слезы: «Душа моя...»

После выписки отца Иоанна я в тот же день понял, что и мне пора. Кровотечение остановили, гемоглобин повысили, а операцию надо делать где-то в другом месте. И, главное, крылья мои окрепли. Тем более Промыслом Божиим мой дорогой собрат по блаженству живет в семи минутах ходьбы от нашей московской квартиры, и мне не терпелось навестить его. Домофона в квартире нет, но живет он, к счастью, на первом этаже, и все гости стучат в окно. Я, с его разрешения, еще негромко кричу: «Джан, джан...» Да, кроме меня, его теперь никто так не называет. Он живо откликается: «Я это, я».

В квартире у него полнейший завал. Все столы, стулья, полки, подоконники погребены под бумагами, книгами, фотографиями. Гостю даже сесть негде. Разве что на краешке кровати. Понятно, что в этом бумажном потоке только сам хозяин сумеет навести порядок, а он едва ли когда этим займется – ни сил, ни времени у него уже нет. Кажется, в этом потоке все похоронено навечно, но, как ни странно, когда надо, все нужное отцу Иоанну всплывает из этой глубины... Он все время что-то теряет, и я ему объясняю: «У тебя теперь такая пора жизни, когда ищут то, что близко лежит».

Памяти у него сегодняшней почти нет. Потому я, боясь, как бы он и меня не забыл, часто звоню ему и сначала непременно говорю одно и то же: «Отец Иоанн-джан?» Он охотно откликается: «Вин самый, вин самый». Если уж очень плохо себя чувствует, то добавляет: «Почти джан». Я представляюсь: «А это собрат по блаженству Сергей». Иногда он ворчит: «Зачем ты это говоришь, я и без тебя знаю». Тогда я прямо объясняю, что это наш пароль для его плохой памяти, чтобы меня не забыл, как Сергея Ивановича. Отец Иоанн не обижается.

Первым делом укладываю его на кровать – натереть спину кремом «Долгит». Ложась, он ойцкает. Вместо стона «ой» произносит смешное «ойц». Это из анекдота. Пьяный лежал на земле и все повторял: «ойц, ойц...» Сердобольные прохожие вызвали «скорую помощь». Когда страдальца уложили в машину, он вдруг как запоет: «Ойц, цветет калина...» Ему, оказывается, очень хорошо было – запеть он хотел. И теперь отец Иоанн не ойкает, а ойцкает. Скрывает за этим «ойц» свою старческую немоту. Не хочется ему слабым выглядеть, а не стонать не может. Вместо жалости все невольно улыбаются при его «ойц». И еще он, как тот пьяный, в подтексте говорит: мол, вы думаете, мне плохо жить, а мне так хорошо, что петь хочется... Петь отец Иоанн любит. Я тоже попробовал ойцкать, нет, не получается – сначала от боли все равно ойкаю, а потом уже «ц» добавляю. Чтобы ойцкать, надо быть отцом Иоанном...

Он вообще большой шутник. Я жалуюсь по телефону, что голова не варит, а милый мой Джан: «А ты крупы подсыпь». Смеется вместе. Кладу трубку, и голова моя начинает варить – отец Иоанн крупы подсыпал...

Перед тем как натереть ему спину, молось: «Святый великомучениче Пантелеймоне, моли Бога об иеродиаконе Иоанне». Он вдруг поднимает голову: «Ты что только обо мне молишься? А остальные?» С тех пор я во всех персональных молитвах добавляю: «... и всех православных... и всех русских...» И даже когда молось о некрещеной дочери: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, приведи к Себе неразумную Ольгу», теперь заканчиваю: «... и всех неразумных...»

Отец Иоанн задремывает после массажа, а я привычно оглядываю комнату. Все стены в иконах. Они не старинные дорогие, а нынешние простенькие, некоторые вообще он перефотографировал с оригиналов. Но благодать от них

удивительная. В квартире много лет не убирают – это просто невозможно из-за завалов бумаги, – но запаха затхлости нет. И сам отец Иоанн по многу месяцев носит одну одежду и, думаю, моется редко – ванна у него частенько заставлена банками, бутылками...

Наконец Джан переворачивается на спину, перехватывает мой взгляд на образ Богородицы Почаевской: «Очень я ее люблю». Оказывается, когда ездил в Почаевскую лавру, выходя из вагона, споткнулся и, зацепившись о дверь, почти оторвал ноготь на большом пальце левой руки. Ноготь мигом почернел и едва держался. Как в дурном сне добрался до лавры. В храме кто-то легонько подтолкнул сзади поближе к чудотворной иконе Богородицы. Оглянулся – никого нет. Приложился к образу. Вдруг женский голос неземной красоты спросил: «А что палец твой?» Поднял отец Иоанн руку, а ноготь прирос на место и побелел как раньше. И боль прошла. Конечно, собрат мой по блаженству не дерзнул сказать, Кто спросил... Он только намекнул, что голос неземной красоты. Друг мой скромно невероятно. Например, рассказывает: «Сидим мы в кабинете с владыкой Евлогием... Я, как червяк, везде пролезал».

Встает со своего одра, и мы собираемся на прогулку. Одевается он так долго, что выдержку надо иметь железную, чтобы не раздражиться, не начать поторапливать. У меня ее, конечно, нет. Но я молчу – понимаю: так Всемудрейший учит терпению. Да и как мне сердиться на моего дорогого Джана!.. Подрясник он надевает минут десять: что-то из кармана выпало, полу где-то испачкал – надо замывать... На подряснике у него две медали с отчеканенными собачьими головами. Отец Иоанн, приняв гордую осанку, всем объясняет: «Я – дважды лауреат Кобелевской премии». Конечно, издается над Нобелевской премией, попавшей, как и вся Европа, под тлетворное влияние американцев. А собак он очень любит...

Правда, и терпению у него учиться легко – в коридоре развешаны по стенам фотографии. Конечно, Дуся, двухмесячным щенком сидящая в черной вязаной шапочке. Дуся, высоко подпрыгивающая за снежком. Большие уши – как крылья. Отец Иоанн комментирует: «Дусей исполненный полет». Не душой, а Дусей. Я соглашаюсь: «Дуся и Малыш – самые прекрасные собаки на свете – похоронены между дерев близ храмов...» До этого я ни одну собаку не сравнивал с моим Малышом и больше ни одну и не сравню. Я это знаю.

Фото второй мамы отца Иоанна, сестры матери: «Такой она была доброй, что ее все от мала до велика звали Зиночкой, даже родные внуки. А сын так любил, что умер через месяц после ее кончины...»

На прогулке Джан разговаривает почти со всеми встречаемыми. В том числе с кошками и собаками. Он лет пятнадцать живет в нашем районе. Сам, конечно, не помнит, сколько. Мне скоро ложиться на операцию, и я рассказываю, что один брат из нашего Борисоглебского монастыря посоветовал почаще произносить: «Иисусе, Иисусе...» Я переспросил: «Молитву Иисусову?» Он: «Нет, просто Иисусе». Я как-то засомневался – нигде не читал, не слышал такого. Как-то не поверил ему. Сразу вспомнилось, что он в монахи-то пострижен пару лет назад. Отец Иоанн даже возмутился: «Что это такое?! Есть Иисусова молитва, есть генеральная... Сколько ему лет?» Я ответил, что лет сорок. Мой собрат протянул: «А-а-а...» И оказался прав – вскоре этот брат, вообразив себя великим духовным воином, ушел из монастыря, который пригрозил ему в тяжелую минуту. Да и недаром ведь преподобному Иринарху, когда он собрался из нашего монастыря дальше, на север, был голос с неба: «Здесь спасешься...» Думаю, он ведь не только для Иринарха был, но и для всех насельников Борисоглебского монастыря. А этот новоиспеченный ушел. Вот тебе и панибратское «Иисусе, Иисусе...» Может, великие подвижники и обращаются так к Господу, но то подвижники... Господи, так хочется, чтобы брат вернулся... Вот это будет подвиг!

Наконец настал день моей операции. Накануне я пришел к моему дорогому Джану. Прочитали с ним три акафиста, дал он мне приложиться к своим великим крестам-мощевикам, обнял: «Серженька, не забывай постоянно творить генеральную. Все будет слава Богу». Предложил на дорожку чаю, но я отказался: мол, когда вернусь живой, тогда с тобой чего покрепче выпьем. Отец Иоанн обрадовался: «У меня горилка есть. Кто-то на клирос принес».

Продолжение следует

ОТЕЧНИК

Говорил авва Исаак: «Предающийся ярости и гневу, славолубивый, лихоимец, чревоугодник, часто бывающий в обществе мирян, желающий, чтоб во всем исполнялась его воля, вспыльчивый, исполненный страстей, – все эти пребывают в смятении, как бы сражающиеся ночью в непроницаемой тьме, будучи вне страны жизни и света. Та страна предоставлена во владение милостивым, смиренномудрым, очистившим сердца свои».

* * *

«Не может человек увидеть красоты, сокровенной внутри его, прежде нежели уничтожит всякую красоту извне себя и возмущается ею. Он не может искренно воззреть к Богу, доколе не отречется совершенно от мира. Уничтожающего и умаляющего себя упреморудит Господь. Отпадет от премудрости Божией тот, кто признает себя мудрым».

* * *

«Сидящие во тьме! Возвысьте главы ваши, да просветятся лица ваши светом. Изыдите из области страстей мира сего, и изыдет во сретение вам Свет, от Отца исходящий, и повелит служителям таинств Своих разрешить узы ваши, чтоб вы могли шествовать по стопам Его к Отцу (Ин. 11, 44).

Горе нам: чем мы связаны! От Кого отделены! Отделены так, что не можем видеть славы Его! О, когда бы расторглись узы наши! О, когда бы мы взыскали и обрели Бога нашего».

* * *

«Насколько ум удаляется многословия: настолько просвещается в разборе помышлений. От многословия теряет эту способность и самый сильный ум».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

23 дек., вс. – Неделя 30-я по Пятидесятнице. Мчч. Мины, Ермогена и Евграфа (ок. 313). **Свт. Иоасафа, еп. Белгородского** (1754). Мч. Гемелла Пафлагонянина (ок. 361). Прп. Фомы (X). Прп. Анны исп. (1958).

24 дек., пн. – Прп. Даниила Столпника (493). Прп. Никона Сухого, Печерского, в Ближних пещерах (XII). Прп. Луки Столпника (ок. 970-980).

25 дек., вт. – Свт. Спиридона, еп. Тримифунтского, чудотворца (ок. 348). Прп. Ферапонта Монзенского (1597). Сщмч. Александра, еп. Иерусалимского (251). Мч. Разумника (Синезия) (270-275).

26 дек., ср. – Мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста (284-305). Мц. Лукии (304). Прп. Аркадия Новоторжского (XI).

27 дек., чт. – Мчч. Фирса, Левкия и Калиника (249-251). Мчч. Филимона, Аполлония, Ариана и Феотиха (286-287). Сщмч. Николая пресвитера (1937).

28 дек., пт. – Сщмч. Елевферия, матери его мц. Анфии и мч. Корива епарха (II). Прп. Павла Латрийского (955). Свт. Стефана исп., архиеп. Сурожского (VIII).

29 дек., сб. – Прор. Аггея (500 г. до Р. Х.). Прп. Софии Суздальской (1542). Мч. Марина (III). Блж. царицы Феофании (893-894).

Еженедельное издание православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель архимандрит Иоанн (Данилеску). Выпускающий редактор – иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес:

г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 100 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!